МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

О.Д. ИСМАГИЛОВА
научный сотрудник Института международной экономики и финансов
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития РФ

Н.С. МОГУЧЕВ
ведущий аналитик Института развития интеграционных процессов
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития РФ

О.В. ПОНОМАРЕВА
научный сотрудник Центра экономических исследований
Фонда экономической политики

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ПОТЕНЦИАЛ КООПЕРАЦИИ С УЗБЕКИСТАНОМ И ИНДИЕЙ[1]

В статье исследуются возможности диверсификации цепочек создания добавленной стоимости в легкой промышленности России в условиях высокой зависимости от импортных поставок и необходимости адаптации к новым внешнеэкономическим условиям. На основе анализа данных OECD TiVA, ITC Trade Map и Export Potential Map оцениваются риски концентрации импорта и перспективы расширения кооперации с Узбекистаном и Индией. Выявлены наиболее перспективные направления производственного и инвестиционного сотрудничества, способствующие повышению устойчивости отрасли и росту внутренней добавленной стоимости. Развитие кооперации с указанными странами может снизить риски импортозависимости и создать предпосылки для расширения экспорта российской продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Ключевые слова: *легкая промышленность, текстильная промышленность, торгово-промышленная кооперация, цепочки создания стоимости.*

УДК: 339.94, 339.56

EDN: DCRSKJ

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_164_186

[1] Статья подготовлена в рамках научного исследования государственного задания ВАВТ Минэкономразвития России.

Введение

Легкая[2] промышленность играет важную роль в обеспечении экономической безопасности и развитии несырьевого сектора экономики. В современных условиях значение отрасли выходит далеко за рамки производства товаров народного потребления, поскольку она формирует спрос на продукцию химической промышленности, транспортно-логистического комплекса и сферы услуг, а также обеспечивает занятость значительного числа работников. Для России развитие легкой промышленности приобретает особую актуальность в контексте достижения целей технологического суверенитета, импортозамещения и диверсификации структуры национальной экономики.

На протяжении последних десятилетий российская легкая промышленность развивалась в условиях глубокой интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Значительная часть сырья, тканей, химических волокон, комплектующих и специализированного оборудования поставлялась из-за рубежа, что обеспечивало доступ к широкому ассортименту продукции. Вместе с тем такая модель сформировала высокий уровень импортозависимости отрасли. Несмотря на отдельные успехи в развитии отечественного производства, российская легкая промышленность по-прежнему существенно зависит от импорта сырья, промежуточной продукции и технологического оборудования.

Изменение внешнеэкономической среды после 2022 г. продемонстрировало уязвимость сложившейся модели развития. Наряду с успешной переориентацией части внешнеэкономических связей на дружественные страны сохраняется высокая концентрация отраслевого импорта на отдельных направлениях, прежде всего на китайском рынке. Подобная концентрация создает дополнительные риски для устойчивого функционирования отрасли и ограничивает возможности ее долгосрочного развития.

Актуальность рассматриваемой проблематики объясняется тем, что в настоящее время в России формируется новая стратегия развития легкой промышленности[3]. В рамках обсуждения документа на уровне федеральных органов власти среди приоритетных задач обозначаются: снижение импортозависимости, развитие отечественной сырьевой базы,

[2] В статье рассматривается сектор легкой промышленности России, включающий текстильную, швейную, кожевенную, меховую и обувную отрасли.

[3] Проект Стратегии развития легкой промышленности Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. https://minpromtorg.gov.ru/docs/docs?fileModalID=0cae51bd-e43e-4b59-b5c6-84a27fd6c897&pdfModalID=9c4eaab4-7ce3-45c5-a29b-580f54abd2eb. (дата обращения: 10.10.2026).

модернизация производственных мощностей, повышение уровня локализации производства, внедрение современных технологий и расширение присутствия российских производителей на внутреннем и внешних рынках. Особое внимание уделяется вопросам формирования устойчивых производственных цепочек, обеспечивающих доступ предприятий к необходимым ресурсам и технологиям в условиях трансформации мировой экономики. Среди приоритетных направлений – выстраивание технологической цепочки синтетических материалов – от производства полиэфирных волокон до готовых тканей[4].

Доля отечественной продукции легкой промышленности на рынке РФ достигла 45% при установленном в «Стратегии развития легкой промышленности РФ до 2035 г.» целевом показателе в 50%. Об этом рассказал министр промышленности и торговли РФ Антон Алиханов, выступая на саммите моды БРИКС+ (BRICS+ Fashion Summit) в Москве. По его словам, в обновленной версии стратегии, которая будет утверждена до конца 2026 г., этот показатель планируется увеличить минимум до 60%[5].

Россия остается крупным рынком потребления текстильной продукции, однако сохраняет свою зависимость от импорта по многим товарным позициям легкой промышленности. По оценке главы Минэкономразвития России М. Решетникова, озвученной им на парламентских слушаниях в январе 2026 г., объем российского рынка продукции легкой промышленности в 2025 г. составлял около 2,6 трлн руб., причем на импорт приходилось 60%[6]. Между тем долгосрочная конкурентоспособность отрасли предполагает не только удовлетворение внутреннего спроса, но и расширение присутствия российских компаний на зарубежных рынках. Решение данной задачи требует поиска новых моделей международного сотрудничества, позволяющих отечественным предприятиям интегрироваться в глобальные и региональные цепочки создания стоимости на более выгодных условиях.

Целью настоящей статьи является оценка возможностей диверсификации цепочек создания стоимости в российской легкой промышлен-

---

[4] РБК. 29 августа 2026. Стратегия развития легкой промышленности до 2035 г. Что изменится для производителей в области легкой промышленности и текстиля. https://companies.rbc.ru/news/cBwQdaCpSn/strategiya-razvitiya-legkoj-promyishlennosti-do-2035-goda/?ysclid=muonqwn69h78692818&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.10.2026).

[5] Доля отечественной продукции легкой промышленности на рынке РФ достигла 45%. https://www.retail.ru/news/dolya-otechestvennoy-produktsii-legkoy-promyshlennosti-na-rynke-rf-dostigla-45-29-sentyabrya-2026-282736/?ysclid=muoo9ltwy3802642704 (дата обращения: 10.10.2026).

[6] Согласно выступлению М. Решетникова на парламентских слушаниях 29 января 2026 г. https://www.rgtr.ru/press-tsentr/3223?utm_source (дата обращения: 10.10.2026).

ности на основе развития торгово-производственного сотрудничества с внешними партнерами. Особое внимание уделяется анализу импортозависимости отрасли, выявлению перспективных направлений кооперации и определению механизмов взаимодействия, способных одновременно повысить устойчивость производственных цепочек, способствовать достижению целей формируемой государственной стратегии развития легкой промышленности и создать предпосылки для расширения экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью.

Обзор исследований

В современной научной литературе развитие легкой промышленности России рассматривается как один из важных элементов обеспечения технологического суверенитета и экономической безопасности страны. В последние годы в научных исследованиях, посвященных легкой промышленности в РФ, заметно смещение от общего описания состояния отрасли к более прикладным вопросам: технологической модернизации, развитию цифровизации, снижению зависимости от импортных поставок промежуточных товаров и развитию кооперационных производств с дружественными странами. Исследователи фокусируются на адаптации отрасли к условиям санкционного давления и структурной трансформации рынка, а также анализируют возможности для развития кооперационного сотрудничества и повышения добавленной стоимости продукции. Отдельное внимание уделяется внедрению цифровых платформ, автоматизации производства, использованию техники более высокого уровня современных технологий для снижения издержек. Несмотря на наличие большого количества проблем и сдерживающих факторов, в последние годы авторы работ отмечают некоторые позитивные тренды в отрасли, связанные с ростом производства текстильной продукции в стране и повышением интереса к продукции российских брендов.

Так, Ю. Попов в своей статье 2023 г. анализирует ключевые тенденции и перспективы развития отраслей российской легкой промышленности [6]. В рамках работы отмечается, что объем производства продукции легкой промышленности в России недостаточен для удовлетворения внутренних потребностей страны, что привело к высокой зависимости от поставок импортной продукции. Автор считает важным произвести обновление государственных и отраслевых стандартов и технических регламентов. Кроме того, отмечается необходимость более активного участия государства в поддержке российских производителей: при расчете субсидий и предоставлении льгот следует обращать внимание на весь производственный процесс. В свою очередь А. Данилин и др. в более поздней статье отмечают, что помимо

системных проблем, сдерживающих развитие легкой промышленности, существенное влияние на развитие отрасли оказали антироссийские санкции, последствия которых являются неоднозначными [2]. В частности, авторы приходят к выводу, что роста себестоимости продукции этой отрасли избежать не удалось, хотя российские производители и адаптировались к сокращению поставок фурнитуры для одежды и повышению цен на материалы и сырье, вызванных санкциями. Ю. Миндлин в статье 2024 г. отмечает, что решение вопросов структурной модернизации легкой промышленности предусматривает усиление институциональной способности государства в плане разработки и реализации мероприятий по защите отечественного производителя, борьбе с контрафактной и контрабандной продукцией, по использованию субсидий, лизинговых схем, инвестиционных фондов и развитию государственно-частного партнерства [5].

Т. Воронина и Г. Ишкеева в своей статье 2018 г., посвященной состоянию легкой промышленности в странах ЕАЭС, анализируют текстильную и легкую промышленность стран ЕАЭС через призму глобальных и региональных цепочек добавленной стоимости, делая вывод о том, что страны Союза могут укрепить свои позиции на мировых рынках за счет промышленной кооперации, специализации по стадиям производства и более тесной взаимной интеграции [1]. В частности, отмечается, что текстильная отрасль в России остается уязвимой из-за высокой зависимости от импорта и необходимости модернизации производств, но одновременно обладает потенциалом для развития кооперации внутри ЕАЭС и СНГ. Авторы предлагают кооперационную схему, при которой Россия и Беларусь участвуют в сырьевых и промежуточных стадиях, а Кыргызстан и Армения – в пошиве и выпуске готовой одежды. Г. Федотова в статье 2025 г. отмечает, что значительное снижение объемов экспорта одежды из России с 2022 г. в некоторой степени компенсируется за счет функционирования интеграционного объединения ЕАЭС [7].

И. Долженко в публикации 2024 г., анализирующей тенденции и перспективы развития мирового рынка одежды, сформулировал предложения по увеличению экспортного потенциала российской продукции легкой промышленности [3]. Он приходит к выводу, что развитие экспорта текстильной продукции из России вполне возможно, но компании, помимо жесткой конкуренции на внешних рынках, сталкиваются с проблемами, связанными с модернизацией, инновациями и устойчивостью. В условиях санкций поставки сырья и оборудования для легкой промышленности сокращаются, и это при том, что оборудование, запчасти и комплектующие – импортные, в том числе поставляемые производителями из недружественных стран. Вместе с тем увеличение экспорта одежды из Российской

Федерации – это долгосрочная задача, требующая сочетания качества, знания рынка и активного цифрового маркетинга вместе с эффективной логистикой. По мнению автора, для развития экспорта российские компании должны направить основные усилия на максимальное использование в своей деятельности цифровых инноваций и новых технологий. Кроме того, И. Долженко считает, что требуется значительный рост инвестиций в отрасль и создание крупных национальных производителей с использованием возможностей взаимодействия с дружественными странами в рамках цепочек создания добавленной стоимости. С. Кузьменко в статье 2025 г. отмечает нерентабельность большинства российских текстильных предприятий при существующей на сегодняшний день мировой рыночной цене сырья, поэтому для выхода на внешние рынки он считает необходимым повышать уровень инвестиций в развитие собственных, отвечающих современному уровню технологий прядильных мощностей, их синхронизации с соответствующими проектами по волокну и ориентацией на новые и современные виды сырья: полиэфирные волокна, вискоза и лиоцелл, лубяные волокна и котонин [4].

Особое внимание хотелось бы уделить работам, которые рассматривают проблемы построения цепочек добавленной стоимости в странах, обладающих перспективами наладить кооперацию с Россией в сфере легкой промышленности. Так, К. Хурана и З. Атаниязова в своей работе 2020 г., посвященной перспективам встраивания Узбекистана в глобальные производственные цепочки в сфере легкой промышленности, отмечали, что узбекские компании обладают очень ограниченными техническими знаниями в области управления цепочками поставок и, следовательно, не могут повысить изначальную ценность сырья [9]. В свою очередь, в исследовании Н. Икрамовой 2025 г. предлагается многомерная, адаптированная к переходной экономике Узбекистана модель, которая сочетает в себе технологическую модернизацию, кластерное развитие, устойчивость, повышение качества человеческого капитала и диверсификацию экспорта [11]. В работе отмечается, что эффективная реализация этой модели позволит Узбекистану занять более престижное место в глобальной цепочке создания добавленной стоимости в текстильной промышленности, укрепить свою конкурентоспособность, привлечь иностранные инвестиции и достичь более широких социально-экономических целей, включая устойчивое развитие, создание рабочих мест и глобальную экономическую интеграцию.

В отличие от Узбекистана и многих азиатских стран Индия уже занимает особое, достаточно высокое и уникальное положение в глобальных цепочках создания стоимости в текстильной промышленности. Научная работа Н. Гупты 2015 г., а также работа группы авто-

ров 2019 г. во главе с М. Кабиром показывают, что Индия располагает практически полной производственной цепочкой – от выращивания хлопка и производства волокон до выпуска готовой одежды [10; 12]. Однако значительная часть добавленной стоимости по-прежнему формируется на ранних стадиях цепочки, тогда как сегменты с более высокой добавленной стоимостью (брендинг, дизайн, контрактное производство готовой одежды) остаются менее развитыми. Именно поэтому государственная промышленная политика Индии в настоящее время направлена на переход к более высокотехнологичным звеньям в цепочке добавленной стоимости и на расширение экспорта готовой текстильной продукции.

В представленных работах анализируется широкий круг вопросов, посвященных особенностям внутреннего рынка России, внешнеторговым и инвестиционным связям с партнерами. Кроме того, рассматриваются и возможности создания цепочек добавленной стоимости в странах, являющихся важными торговыми партнерами России. С учетом перестройки внешнеэкономических связей России в последние годы важным дополнением к уже существующей базе современных исследований будет анализ импорта, в том числе в контексте создания добавленной стоимости, его динамики и структурных изменений, формирование выводов относительно концентрации и возможностей диверсификации импорта с целью обеспечения устойчивости и развития производственных цепочек. Кроме того, с учетом обсуждаемых на стратегическом уровне задач по наращиванию экспорта, важно обсудить возможности кооперации на внешних рынках для поддержки отечественных производителей в цепочках создания стоимости.

Таким образом, научная новизна данной статьи заключается в выявлении структурных ограничений и обосновании конкретных направлений диверсификации цепочек создания стоимости в российской легкой промышленности на основе комплексного анализа торговли добавленной стоимостью, товарной структуры импорта и нереализованного экспортного потенциала основных торговых партнеров. В дополнение к рассмотренным исследованиям, раскрывающим проблемы импортозависимости и общие возможности международной кооперации, данная работа стремится показать, что относительная устойчивость снабжения российской отрасли легкой промышленности сочетается с усилением концентрации на китайском направлении, в том числе за счет сокращения долей альтернативных поставщиков. Более того, в статье конкретизируются товарные сегменты и производственные стадии, на которых расширение сотрудничества с Индией и Узбекистаном может снизить риски концентрации поставок и создать предпосылки для увеличения добавленной стоимости, формируемой российскими компаниями.

Данные и методология

В основе эмпирического анализа лежит сочетание трех типов данных: показателей торговли добавленной стоимостью (из базы данных ОЭСР TiVA), внешнеторговой статистики и данных нереализованного экспортного потенциала Международного торгового центра. Данные TiVA ОЭСР за 2019–2022 гг. позволяют оценить долю иностранной добавленной стоимости, которая используется в российской легкой промышленности для производства товаров как для внутреннего рынка, так и на экспорт.

Для анализа более позднего периода (2023–2025 гг.), по которому данные TiVA пока отсутствуют, используется стандартная внешнеторговая статистика в разрезе категорий потребления: промежуточные, инвестиционные и потребительские товары. Выделение категорий потребления производится на основе классификации BEC (Broad Economic Categories). Для целей анализа рассматриваются товары промежуточного потребления по группам ТН ВЭД, которые относятся к текстильной и обувной промышленности (группы 50–67), а также инвестиционные товары (отдельные позиции оборудования из группы 84, используемых в рассматриваемых отраслях)[7],[8]. Дополнительно применяется зеркальная статистика стран-партнеров (в первую очередь Китая, Индии, Узбекистана) для более точной оценки количественных показателей торговли в условиях ограниченного доступа к данным внешней торговли России.

Оценка потенциала диверсификации импорта и торговых стимулов к кооперации проводится на основе базы ITC Export Potential Map, которая содержит данные по нереализованному экспортному потенциалу (НЭП)[9] стран-поставщиков с учетом торговых барьеров, логистических и конкурентных факторов.

Такой комбинированный методологический подход обеспечивает как количественную оценку сложившихся цепочек поставок, так и обоснованный выбор приоритетных направлений для их диверсификации. Помимо использования указанных выше баз данных для струк-

---

[7] Классификация BEC и таблицы соответствия с классификацией Гармонизированной системы описания и кодирования товаров: 5th revision of the Classification by Broad Economic Categories (BEC). https://unstats.un.org/unsd/trade/classifications/bec.asp#5threv (дата обращения: 05.05.2026).

[8] В частности, по инвестиционным товарам в выборку для анализа включены отдельные субпозиции товарных позиций 8444-8453.

[9] Показатель отражает дополнительный объем экспорта, который потенциально может быть реализован при существующих экономических условиях, с учетом экспортных возможностей страны-поставщика, спроса на рынке импортера и условий двусторонней торговли.

турированного статистического анализа, авторы применяют методы качественного экспертного анализа на основе специализированной информации по рассматриваемой отрасли и экономикам включенных в исследование стран.

Анализ импортозависимости легкой промышленности России

Анализ данных по торговле добавленной стоимостью из базы ОЭСР (OECD TiVA) демонстрирует структурную трансформацию российской текстильной отрасли, происходящую под влиянием санкционного давления последних лет. До введения масштабных ограничений уровень зависимости от иностранных поставок продукции неконечного потребления, которая используется компаниями на российском рынке в производственных целях, был достаточно высоким. Более 70% приходилось на зарубежную добавленную стоимость, что было сопоставимо с показателями отраслей производства электроники и компьютеров (65%), электрооборудования (67%), прочих машин и оборудования (71%)[10]. Однако важно отметить, что основная доля этого импорта приходилась на государства, сохранившие статус дружественных или нейтральных по отношению к России в условиях действующего санкционного режима (более 60% общего показателя), в отличие от упомянутых выше производств различной техники и оборудования, где аналогичный показатель составлял 30% и менее[11]. Таким образом, значительной переориентации цепочек поставок не требовалось в условиях новых ограничений.

В 2022 г. наблюдалось закономерное сокращение объемов иностранной добавленной стоимости, используемой при производстве текстильных изделий и обуви как для внутреннего рынка, так и в рамках производств, ориентированных на экспорт (см. рис. 1). Тем не менее, несмотря на турбулентность внешней среды и перестройку логистических маршрутов, как минимум по итогам 2022 г. абсолютный показатель потребления зарубежной промежуточной продукции (9,5 млрд долл.) не опустился ниже значений, зафиксированных в 2019 г. (8,9 млрд долл.), что свидетельствует об относительной устойчивости цепочек поставок[12].

Страновая структура использования импортной добавленной стоимости в отрасли позволяет четко определить доминирование Китая

[10] Расчеты авторов по данным базы OECD TiVA. https://data-explorer.oecd.org/?pg=0&bp=true&snb=12&tm=TIVA (дата обращения: 05.05.2026).

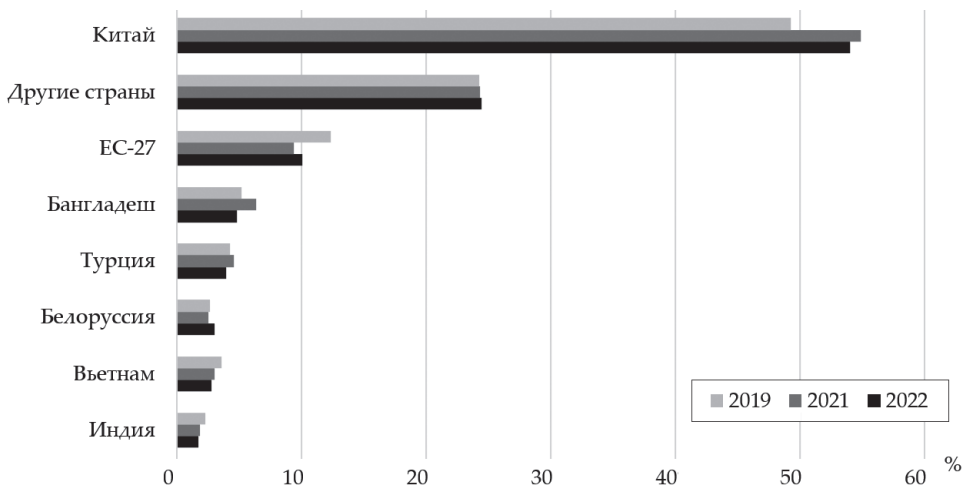
[11] Там же.

[12] Там же.

Примечание. 2021–2022 гг. – последние доступные периоды в базе данных TiVA на дату обращения (май 2026 г.), позволяют оценить объемы иностранной добавленной стоимости, поступившей в российские отрасли промышленности, до введения санкций и после введения ключевых ограничений в отношении импорта в Россию. 2019 г. взят как дополнительный период, иллюстрирующий ситуацию до масштабных шоков пандемии коронавируса и санкционных ограничений в отношении России, оказавших существенное влияние на цепочки поставок.

Рассчитано по: данные базы OECD TiVA. https://data-explorer.oecd.org/?pg=0&bp=true&snb=12&tm=TIVA (дата обращения: 05.05.2026).

Рис. 1. Показатели иностранной добавленной стоимости в легкой промышленности России, в 2019, 2021 и 2022 г., %



Рассчитано по: данные базы OECD TiVA. https://data-explorer.oecd.org/?pg=0&bp=true&snb=12&tm=TIVA (дата обращения: 05.05.2026).

Рис. 2. Ключевые поставщики иностранной добавленной стоимости в легкой промышленности России (для целей внутреннего потребления), %

на российском рынке (см. рис. 2). При этом можно говорить о вытеснении Китаем альтернативных поставщиков не только из недружественных стран (страны ЕС), но и отдельных нейтральных партнеров (Индия, Вьетнам, Турция, Бангладеш), о чем свидетельствует сниже-

ние их удельного веса. Тенденция к увеличению концентрации на китайском направлении усугубляет импортозависимость российской отрасли от одной страны, несмотря на общий снижающийся тренд и процессы импортозамещения.

Для подтверждения описанных тенденций и с целью рассмотрения ситуации в период 2023–2024 гг., по которым нет доступных данных по торговле добавленной стоимостью, рассмотрим данные внешнеторговой статистики, а именно по импорту легкой промышленности в Россию, а также специализированного оборудования, в разрезе категорий потребления.

Согласно данным Международного торгового центра, основными поставщиками промежуточных товаров для легкой промышленности России в 2024 г. были Китай (53%), Узбекистан (8,2%), Италия (5,9%), Вьетнам (4,5%), Турция (4,5%). При этом импорт оборудования был сконцентрирован на Китае (42%), Турции (16%), Киргизии (14,4%), Индии (4,5%), Словении (3,5%). Таким образом, в целом наблюдается корреляция с данными по структуре импорта добавленной стоимости 2019-2022 гг., а также подтверждается в целом стабильность этой структуры в период 2019-2024 гг. и неизменное доминирование Китая в импорте[13].

В 2025 г. экспорт товаров легкой промышленности (группы 50–67) ТНВЭД в Россию составил 9,3 млрд долл., что почти на 30% больше показателя 2021 г. (7,2 млрд долл.). При этом если в 2021 г. 70% китайского экспорта было представлено готовой продукцией (промежуточные товары – оставшиеся 30%), то в 2025 г. соотношение поменялось на 75% против 25%. Среди ключевых товарных групп, на которые приходится 81,5% промежуточного импорта из Китая в Россию, можно выделить химические нити (54 группа ТНВЭД), текстильные материалы, пропитанные, с покрытием или дублированные (59), химические волокна (55), трикотажные полотна машинного и ручного вязания (60). Поставки машин и оборудования, а также их частей из Китая в Россию в 2021–2025 гг. увеличились на 60% (с 130 млн долл. до 209 млн долл.)[14]. Среди основных позиций импорта: автоматические швейные машины, оборудование для производства и отделки войлока, фетра или других нетканых материалов, машины для наматывания, разматывания, складывания, прокалывания текстильных материалов, ткацкие станки и их части. В целом, ведущие позиции поставок из Китая

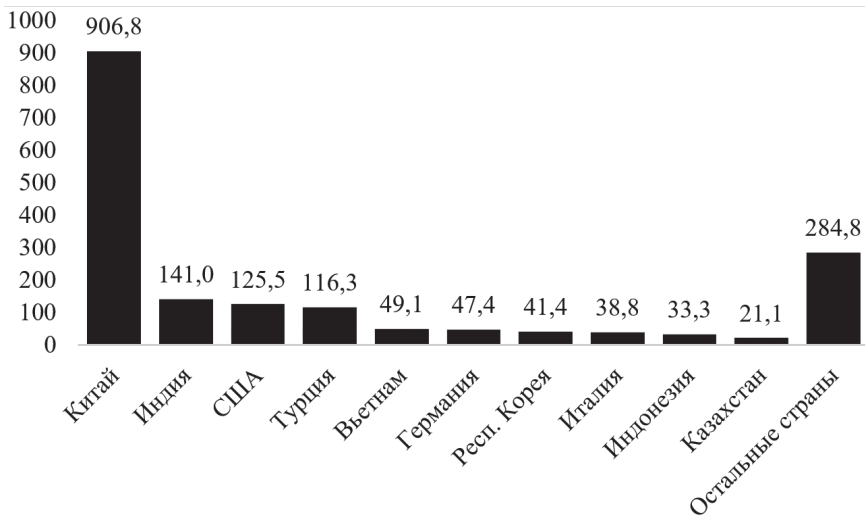
[13] Расчеты авторов по данным ITC Trade Map. https://www.trademap.org/en/goods/timeseries/exports/c/000/c/000/p/ALL/byCountry/year/default/direct/values/USD/table (дата обращения: 01.06.2026).

[14] Расчеты авторов по данным Главного таможенного управления Китая. http://stats.customs.gov.cn/indexEn (дата обращения: 01.06.2026).

составляют ключевые позиции общего импорта товаров легкой промышленности.

Особую значимость в новых условиях приобретает диверсификация цепочек поставок, в том числе в рамках развития кооперационных связей с внешними партнерами. Необходимо определить, какие страны могут стать источниками такой диверсификации, а также с кем можно выстраивать взаимовыгодные форматы производственной, логистической, дистрибьютерской кооперации.

Анализ данных Международного торгового центра по экспортному потенциалу свидетельствует о том, что кроме Китая наиболее значительный потенциал увеличения поставок товаров неконечного потребления на российский рынок есть у Индии и Турции (США не рассматриваем, как недружественную страну) (см. рис. 3).



Рассчитано по: данные ITC Export Potential Map. https://exportpotential.intracen.org/en/ (дата обращения: 16.05.2026).

Рис. 3. Страны – поставщики промежуточных и инвестиционных товаров для отраслей легкой промышленности с наибольшими показателями НЭП в Россию в 2025 г. (млн долл.)

Реализации данного потенциала препятствует ряд факторов, среди которых в современных условиях стоит отметить проблемы с трансграничными расчетами, логистические ограничения, сложные условия конкуренции с китайскими поставщиками. С учетом проведенного анализа торговли добавленной стоимостью, традиционной внешнеторговой статистики и данных по экспортному потенциалу целесообразно более детально рассмотреть, как минимум две страны – Индию (как страну с наибольшим после Китая нереализованным экспортным потенциалом по номенклатуре рассматриваемой отрасли)

и Узбекистан (как второго после Китая поставщика промежуточных товаров на текущий момент). Помимо того, что Узбекистан уже является одним из ключевых поставщиков сырья и промежуточной продукции для легкой промышленности на российский рынок, а Индия обладает наибольшим в этом сегменте потенциалом расширения поставок после Китая, важную роль играют и другие факторы.

Узбекистан и Россия планомерно укрепляют внешнеэкономическое и, в частности, торговое сотрудничество. Страны поставили цель – к 2030 г. увеличить объем взаимной торговли до 30 млрд долл. Текстильная продукция при этом является одной из ключевых статей. По данным ITC, за период 2021–2024 гг. импорт из Узбекистана в Россию вырос на 55%, поставки товаров неконечного потребления выросли на 27% (более чем в 2 раза увеличился импорт трикотажных тканей и пряжи). Среди позитивных факторов, способствующих дальнейшему укреплению сотрудничества Узбекистана и России в легкой промышленности, следует отметить: специализацию Узбекистана и фокус его промышленного развития на текстильной промышленности; наличие зоны свободной торговли в рамках СНГ; появление кооперации бизнес-структур двух стран в других отраслях[15]; возможность расширения трансграничных расчетов в национальных валютах (сейчас показатель уже достигает 75%[16]).

Индия является для российских производителей менее знакомым и более сложным рынком. Однако преимущества развития отраслевых связей с Индией формируются в связи с наличием стабильной сырьевой базы и с более низкой себестоимостью индийской текстильной продукции по сравнению с китайской, широким ассортиментом продукции, программами государственной поддержки отрасли в области экспорта и иностранных инвестиций[17]. Сотрудничеству России и Индии в текстильной промышленности уделяется особое внимание со стороны профильных ведомств обеих стран, при этом акцент делается на производственной кооперации и поставках оборудования[18].

---

[15] Например, в сфере АПК, проекты логистического комплекса в Джизакской области, кластерное взаимодействие между Узбекистаном и Башкортостаном в области производства сельскохозяйственной техники. См. подробнее: https://agroexpert.press/tehnika/bashkortostan-i-uzbekistan-sozdadut-klaster-proizvoditelej-selhoztehniki/ (дата обращения: 16.05.2026).

[16] Россия и Узбекистан достигли расчетов в национальных валютах на уровне 75%. https://ria.ru/20251203/vitse-premer-2059463507.html (дата обращения: 16.05.2026).

[17] Как развивается легкая промышленность в Индии. https://sber.bank.in/ru/media/publications/kak-razvivaetsya-lyogkaya-promishlennost-v-indii (дата обращения: 16.05.2026).

[18] Россия и Индия договорились укреплять сотрудничество в текстильной отрасли, https://tvbrics.com/news/rossiya-i-indiya-dogovorilis-ukreplyat-sotrudnichestvo-v-tekstilnoy-otrasli/ (дата обращения: 16.05.2026).

Перспективы развития торговли и кооперации с Узбекистаном

Узбекистан имеет давние традиции выращивания хлопка и исторически входит в первую десятку мировых производителей «белого золота». По данным ФАО[19] на 2024 г., страна занимает шестое место в списке ведущих производителей хлопка-сырца – валовой сбор составил около 2,9 млн т. Согласно данным анализа трансформации хлопкового сектора Узбекистана, за 2021–2025 гг. средняя по стране урожайность выросла на 40%, общий объем производства – на 19%, при этом посевные площади сократились на 15% [8]. К 2026 г. поставлена цель[20] увеличить производство сырца до 4,5 млн т. Реализуется стратегия цифровизации отрасли и ее переориентация от экспорта сырья (хлопка) к его глубокой переработке и созданию продукции с более высокой добавленной стоимостью. В государственной программе «Узбекистан – 2030» закреплена стратегия развития легкой промышленности Узбекистана, направленная на превращение страны в региональный текстильный хаб.

По данным ассоциации «Узтекстильпром», в Узбекистане действует 96 крупных хлопково-текстильных кластеров, которые охватывают полный цикл производства – от выращивания хлопка до его глубокой переработки и пошива готовой продукции. Масштабная кластерная система объединяет сотни предприятий, на которые приходится бо́льшая часть урожая хлопка в стране, – суммарная площадь их хлопковых полей – 907 783 га.

Налажено партнерство с более чем 80 международными брендами, международное сотрудничество в той или иной степени охватывает всю страну[21]. К примеру, компания Uztex Group в Хорезмской области производит продукцию для фирм LC WAIKIKI, Terranova, Gloria Jeans и Auchan. «Глобал текстиль» из Ферганской области выпускает трикотажную продукцию для французской сети Kiabi, а кластер Navbahor textile в Навоийской области сотрудничает с французским брендом GEMO.

Последнее десятилетие характеризуется качественной трансформацией отрасли. За период 2017–2025 гг. объем переработки хлопко-

[19] FAOSTAT: Countries by commodity. https://www.fao.org/faostat/en/#rankings/countries_by_commodity (дата обращения: 16.05.2026).

[20] Представлены планы по развитию химической промышленности. https://president.uz/ru/lists/view/8732 (дата обращения: 16.05.2026).

[21] Текстильная революция в Узбекистане: как страна становится новым производственным центром для мировых брендов. https://gov.uz/ru/miit/news/view/80910 (дата обращения: 16.05.2026).

вого волокна в Узбекистане вырос с 40 до 100%, а экспортная выручка от продажи текстильной продукции – в 1,4 раза (с 1,9 млрд долл. до 2,6 млрд долл.)[22]. За 15 лет производство текстильных изделий выросло в стоимостном выражении в 18 раз (с 5 трлн сум в 2010 г. до 90 трлн сум в 2024 г.), одежды и кожаных изделий – более чем в 50 раз (с 576 млрд сум и 80 млрд сум до 32 трлн сум и 4 трлн сум соответственно).

По итогам 2025 г. на продукцию текстильной промышленности пришлось около 8% общего объема экспорта страны[23]. Произошел заметный сдвиг в структуре экспорта: если в 2019 г. на хлопчатобумажную пряжу приходилось 57% экспорта текстильной продукции Узбекистана, то в 2025 г. – уже лишь 27%, в то время как доля готовых трикотажных и швейных изделий выросла с 22% в 2019 г. до 54% в 2025 г. В соответствии с указом президента страны Шавката Мирзиёева, к 2027 г. поставлена цель по увеличению экспорта текстильной и швейно-трикотажной продукции Узбекистана до 7 млрд долл.

Российский рынок остается крупнейшим направлением экспорта продукции легкой промышленности Узбекистана. Это обусловлено исторически сложившимися торгово-экономическими связями, близостью рынков и относительно низкими логистическими издержками, действием режима свободной торговли и высоким спросом на узбекскую текстильную продукцию в России.

После 2022 г. значение российского рынка для узбекских производителей дополнительно выросло из-за ухода части западных брендов из России, роста спроса на поставки из стран СНГ и Азии, увеличения расчетов в национальных валютах и упрощения логистики. Согласно данным ITC Trade Map и официальной статистики, экспорт продукции легкой промышленности Узбекистана в Россию вырос с 966 млн долл. США в 2021 г. до более чем 1,6 млрд долл. в 2025 г. (прирост за указанный период составил 66%). Кроме того, наблюдался значительный рост концентрации поставок на российском направлении – если в 2021 г. на РФ приходилось около 30% в экспорте товарной группы (коды 41–43, 50–67), то в 2025 г. – уже 58% экспорта.

Изменение структуры поставок текстильной продукции из Узбекистана в Россию соответствует общей тенденции, наблюдаемой в отрасли. Если раньше российские фабрики в большей степени были ориентированы на покупку в Узбекистане промежуточных товаров – например, пряжи, не расфасованной для розничной продажи, с целью

[22] Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. https://stat.uz/ru/. (дата обращения: 16.05.2026).

[23] Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (за январь – декабрь 2025 г). https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/66412-vneshnetorgovyj-oborot-respubliki-uzbekistan-za-yanvar-dekabr-2025-g (дата обращения: 16.05.2026).

ее использования для пошива одежды на российских фабриках, то в последние годы растет как объем продаваемой готовой одежды из Узбекистана, так и ее доля в общем экспорте текстильной продукции, поставляемой на российский рынок. Доля хлопчатобумажной пряжи с содержанием хлопка от 85% товарных категорий 520512, 520513, 520523 снизилась с 25% в 2021 г. до 16% в 2025 г. в экспорте товарных групп 50–67, при этом доля трикотажных маек и фуфаек товарной категории 610910 выросла с 11 до 17% (в стоимостном объеме со 110 млн долл. до 260 млн долл.), хлопчатобумажного белья (630260) – с 4 до 7% (с 43 млн долл. до 101 млн долл.)[24].

Расширение кооперации между компаниями легкой промышленности РФ и Узбекистана в последние годы стало одним из ключевых направлений двустороннего промышленного сотрудничества. Основной акцент делается на создании совместных производств, углублении производственной интеграции и переходе от простой торговли к промышленной кооперации. Многие российские компании[25] активно используют мощности узбекистанских фабрик для выпуска своей продукции и переносят свои заказы из Китая, Бангладеш и Турции. Среди предприятий, участвующих в совместных инвестиционных проектах, направленных на создание новых производственных мощностей, – например, «Асадбек Гласс Файбер» (предприятие по производству текстильного стекловолокна в Узбекистане с использованием российского сырья и оборудования), «Навбахор текстиль» (создание текстильного производства в г. Иваново), Runamtex (фабрики по производству домашнего текстиля в Узбекистане).

Российские компании активно локализуют производство на территории Узбекистана, используя льготы и преференции технопарков «Чирчик» и «Джизак». Так, например, резидентом химико-индустриального технопарка «Чирчик» является производственный комплекс компании «Kmita Polymers», созданной на базе российского предприятия «Полимер». Компания производит гибкие упаковочные материалы, которые могут использоваться и для упаковки продукции легкой промышленности.

Таким образом, Узбекистан остается ключевым стратегическим партнером для российской легкой промышленности. На фоне роста интеграции в международные цепочки поставок Узбекистан представляет собой быстрый и беспошлинный (в рамках СНГ) канал контрактного производства, а также стабильный источник качественной

[24] UN Comtrade Database. https://comtrade.un.org (дата обращения: 16.05.2026).

[25] Например, Melon Fashion Group (владеет брендами Zarina, Befree, Love Republic, Sela и Idol), Zolla, Gloria Jeans, Familia, Concept Club, Спортмастер (владеет брендами O'stin и Funday), Wildberries.

пряжи и суровья для высокотехнологичных российских производств. Наиболее перспективным представляется создание совместных российско-узбекских предприятий с выгодным для обеих стран разделением труда (например, дизайн в России, производство готовых изделий в Узбекистане).

Перспективы развития торговли и кооперации с Индией

Объем производства текстильной и швейной отрасли Индии в 2025 г. превысил 220 млрд долл. США. Страна занимает 2-е место в мире по объему производства и обеспечивает около 5% мирового экспорта текстиля и одежды[26].

Данные TiVA ОЭСР показывают, что индийская текстильно-швейная и кожевенно-обувная промышленность отличается экспортной ориентацией: восходящие связи (forward participation – использование добавленной стоимости страны в производстве товаров на рынках стран-партнеров) превалируют над нисходящими (backward participation – использование иностранной добавленной стоимости в производстве продукции для удовлетворения внутреннего конечного спроса и производства товаров на экспорт). В 2022 г. объем индийской внутренней добавленной стоимости отрасли, использованной в производстве на внешних рынках, составил 13,9 млрд долл. При этом иностранная добавленная стоимость, использованная с целью конечного потребления в Индии, составила 5,2 млрд долл.[27]

Связь Индии с российским рынком в контексте производства добавленной стоимости пока остается ограниченной. В 2022 г. российская добавленная стоимость рассматриваемой отрасли, используемая в производстве товаров для внутреннего рынка Индии, составляла 162,2 млн долл., что ниже уровня 2019 г. (199,2 млн долл.) и 2021 г. (200,3 млн долл.). Обратный поток существенно меньше: добавленная стоимость индийской отрасли для целей конечного потребления на российском рынке в 2022 г. составляла 19,7 млн долл. против 15,3 млн долл. в 2019 г. В абсолютных показателях значения существенно различаются, но относительно общих объемов иностранной добавленной стоимости, используемой в производственных процессах отрасли, уровень примерно одинаковый: на Россию в 2022 г. приходилось 1,7%

[26] Сбербанк Индия. Контрактное производство текстиля в Индии: возможности для России. 4 февраля 2026 г. https://sber.bank.in/ru/media/publications/kontraktnoe-proizvodstvo-tekstilya-v-indii-vozmozhnosti-dlya-rossii (дата обращения: 16.05.2026); Сбербанк Индия. Как развивается легкая промышленность в Индии. 5 ноября 2025 г. https://sber.bank.in/ru/media/publications/kak-razvivaetsya-lyogkaya-promishlennost-v-indii. (дата обращения: 16.05.2026).

[27] Расчеты авторов по данным OECD TiVA 2025.

в случае Индии, на Индию – 1,1% на российском рынке. Таким образом, страны в целом слабо ориентированы на взаимную производственную кооперацию на сегодняшний день.

Традиционная торговая статистика указывает на то, что основу торговли все же составляет промежуточная продукция. Экспорт Индии в Россию по группам 50–67 ТН ВЭД в 2025 г. составил 156,7 млн долл. против 170,6 млн долл. в 2021 г[28]. Несмотря на снижение стоимостного объема, структура поставок важна для целей диверсификации: 86,2 млн долл., или 55% экспорта, приходилось на промежуточные товары, 68 млн долл. – на готовую продукцию, 2,6 млн долл. – на инвестиционные товары. Российские поставки в Индию по тем же группам были несопоставимо меньше – 2,2 млн долл. в 2025 г. (в 2021 г. – 13,8 млн долл.), из которых 2,0 млн долл. составляли промежуточные товары.

Крупнейшей позицией индийского экспорта в Россию в 2025 г. был верх обуви и его части (код ТНВЭД 640610) – 38,0 млн долл., или 24,2% поставок по группам ТНВЭД 50–67 (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные позиции индийского экспорта в Россию в 2025 г.

Код ТНВЭД	Товар	Млн долл.	Доля, %
640610	Верх обуви и его части	38,0	24,2
550410	Вискозные штапельные волокна	13,9	8,9
540233	Текстурированные полиэфирные нити	11,0	7,0
610910	Хлопковые трикотажные футболки	10,1	6,4
591190	Технические текстильные материалы	2,3	1,4

Источник: ITC Trade Map. https://www.trademap.org/en (дата обращения: 16.05.2026).

Отдельного внимания заслуживает оборудование для текстильной отрасли. Экспорт Индии в Россию по позициям ТН ВЭД 8444–8453 увеличился с 7,2 млн долл. в 2021 г. до 7,8 млн долл. в 2025 г.; 6,1 млн долл. приходилось на готовое оборудование, а 1,7 млн долл. – на части и комплектующие. Наиболее значимыми позициями были оборудование для производства и отделки текстильных материалов (код 845180) – 1,9 млн долл. и челночные ткацкие станки (код 844629) – 1,5 млн долл. Хотя абсолютные объемы пока невелики, данное направление важно для технологической диверсификации.

[28] Здесь и далее статистика торговли по данным Международного торгового центра (ITC Trade Map). https://www.trademap.org/en (дата обращения: 16.05.2026).

Потенциал расширения торговли значительно выше текущих объемов. По данным ITC Export Potential Map, НЭП Индии по промежуточным и инвестиционным товарам для российской легкой промышленности оценивается в 141 млн долл. Это второй показатель после Китая (906,8 млн долл.) и выше значений Турции (116,3 млн долл.), Вьетнама (49,1 млн долл.), Германии (47,4 млн долл.) и Республики Корея (41,4 млн долл.). Тем самым Индия выступает одним из ключевых потенциальных источников диверсификации, а не периферийным поставщиком. Только 30% этого потенциала приходится на готовые текстильные изделия (44 млн долл.), среди промежуточного импорта ведущие позиции занимают: хлопок, хлопчатобумажная пряжа и ткани группы 52 (21,4 млн долл.), химические волокна группы 55 (17,5 млн долл.), химические нити и ткани из них группы 54 (16,0 млн долл.), текстильные материалы с пропиткой, покрытием или дублированием группы 59 (14,5 млн долл.) и нетканые материалы группы 56 (11,4 млн долл.).

На основе сопоставления TiVA, торговли и НЭП можно выделить как минимум два перспективных сегмента кооперации. Первый – обувные комплектующие и полуфабрикаты. Уже сейчас верх обуви и его части являются крупнейшей позицией индийского экспорта в Россию, что создает базу для расширения поставок, совместной разработки моделей, контрактного производства и последующей финальной сборки или брендирования в России.

Второй сегмент – химические волокна, нити и технический текстиль. Рост поставок позиции 591190 (в 6 раз в 2021–2025 гг.) и наличие НЭП по группе 59 показывают, что индийские производители могут стать источником материалов для промышленного применения. Здесь Индия может сформировать альтернативу товарам из Китая, используемым российскими предприятиями для производства спецодежды, упаковки, мебели, медицинских и строительных текстильных изделий, геотекстиля и пр.

С точки зрения форматов кооперации перспективным представляется контрактное производство и использование мощностей индийских кластеров. В настоящее время Индия выступает важным производственным хабом для крупнейших международных компаний отрасли, включая H&M, Inditex (Zara), Gap, Marks & Spencer и Walmart. Ключевые кластеры включают Тируппур (трикотаж), Сурат (синтетические и смесовые ткани), Панипат (домашний текстиль), Дели NCR и Фаридабад (швейное производство и производство готовых изделий). Программа PM MITRA (PM Mega Integrated Textile Region and Apparel Parks) предусматривает создание семи интегрированных текстильных парков полного цикла[29].

[29] Контрактное производство текстиля в Индии: возможности для России. https://sber.bank.in/ru/media/publications/kontraktnoe-proizvodstvo-tekstilya-v-indii-vozmozhnosti-dlya-rossii (дата обращения: 16.05.2026).

В этом случае потенциальные российские инвесторы могли бы получить доступ к сформированной промышленной инфраструктуре, поставщикам сырья и государственным мерам поддержки. В рамках госпрограммы PLM (Product Linked Incentive) в текстильной отрасли финансовыми стимулами и льготами могут воспользоваться и иностранные предприятия, реализующие инвестиционные проекты в сегментах технического текстиля, продукции из синтетических волокон[30].

Таким образом, для российских компаний возможны три практических формата взаимодействия с компаниями, инфраструктурой и регуляторной средой индийской отрасли: размещение заказов на готовую продукцию под российскими брендами в индийских кластерах; производство полуфабрикатов и комплектующих с последующей переработкой в России; совместные проекты для рынков третьих стран.

Очевидно, что Индия не сможет заместить Китай, но даже частичная диверсификация по отдельным сегментам, перечисленным выше, может иметь большое значение для конкурентоспособности отрасли, наращиваемой через развитие международной технологической, производственной и сбытовой кооперации.

Заключение

Российская легкая промышленность характеризуется высоким уровнем импортозависимости. Несмотря на процессы импортозамещения и адаптацию предприятий к новым внешнеэкономическим условиям, значительная часть добавленной стоимости по-прежнему формируется за счет зарубежных поставок. При этом в последние годы наблюдается усиление концентрации импорта на китайском направлении, что повышает устойчивость отрасли в краткосрочной перспективе, но одновременно создает дополнительные риски, связанные с зависимостью от одного ключевого поставщика.

Результаты анализа импортозависимости российской легкой промышленности свидетельствуют о наличии возможностей для диверсификации цепочек создания стоимости за счет расширения сотрудничества с дружественными государствами. Одними из наиболее перспективных партнеров в рассматриваемом сегменте выступают Узбекистан и Индия, обладающие значительными производственными возможностями, развитой отраслевой специализацией и заинтересованностью в углублении экономического взаимодействия с Россией.

[30] PLI Scheme: Powering India's Industrial Renaissance. https://www.pib.gov.in/PressNoteDetails.aspx?NoteId=155082&ModuleId=3&reg=48&lang=2 (дата обращения: 16.05.2026).

Узбекистан уже занимает важное место в системе снабжения российской легкой промышленности и постепенно трансформируется из поставщика сырья в крупный региональный центр глубокой переработки хлопка и производства готовой текстильной продукции. Благоприятные институциональные условия и накопленный опыт производственной кооперации создают предпосылки для дальнейшего расширения совместных проектов, локализации отдельных стадий производства и формирования интегрированных производственных цепочек.

Индия представляет особый интерес как источник диверсификации поставок промежуточной продукции, технического текстиля, химических волокон и специализированного оборудования. Анализ показывает, что потенциал расширения индийского экспорта в рассматриваемых сегментах существенно превышает текущий уровень двусторонней торговли. Наиболее перспективными направлениями взаимодействия являются контрактное производство, поставки полуфабрикатов для дальнейшей переработки в России, совместные инвестиционные проекты и использование индийской производственной инфраструктуры для выхода на рынки третьих стран.

Полученные результаты показывают, что сотрудничество с Узбекистаном и Индией следует рассматривать не только как способ снижения импортозависимости и повышения устойчивости поставок, но и как инструмент реализации экспортного потенциала российской легкой промышленности. Расширение производственной, инвестиционной и сбытовой кооперации в международных цепочках создания стоимости позволит повысить конкурентоспособность отрасли, увеличить создаваемую российскими компаниями добавленную стоимость и будет способствовать достижению целей, намеченных в Стратегии развития легкой промышленности Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Воронина Т.В., Ишкеева Г.Н.* Состояние легкой промышленности стран ЕАЭС и перспективы развития евразийских цепочек добавленной стоимости // Вестник Алтайской академии экономики и права. Экономические науки. 2018. № 8. С. 51–61. *[Voronina T.V., Ishkeeva G.N.* The State of Light Industry in the EAEU Countries and Prospects for the Development of Eurasian Value Chains // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. Economic Sciences. 2018. No. 8. Pp. 51–61. (In Russ.).] EDN: VSGDCY.
2. *Данилин А.С., Худов Д.К., Тен П.Э., Попов Д.А.* Проблемы и перспективы развития российского рынка текстильной промышленности // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2023. № 2. С. 308-319. [*Danilin A.S., Khudov D.K., Ten P.E., Popov D.A.* Problems and Prospects for the Development of the Russian Textile Industry Market. 2023. Journal "U". Economics. Management. Finance. No. 2. Pp. 308–319. (In Russ.).] EDN: ZTSNOK.

3. *Долженко И.Б.* Перспективы развития мирового рынка текстиля и одежды и развитие экспортного потенциала России в международной торговле одеждой // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 4. С. 20–26. [*Dolzhenko I.B.* Prospects for the Development of the Global Textile and Apparel Market and the Development of Russia's Export Potential in International Apparel Trade // Regional and Sectoral Economics. 2024. No. 4. Pp. 20–26. (In Russ.).] DOI: 10.47576/2949-1916.2024.4.4.002.
4. *Кузьменко С.С.* Стратегические векторы внешнеторговой деятельности предприятий на рынке хлопка // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 9. С. 159–164. [*Kuzmenko S. S.* Strategic Directions of Enterprises' Foreign Trade Activities in the Cotton Market // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 9. Pp. 159–164. (In Russ.).] EDN: NATDER.
5. *Миндлин Ю.Б.* Кластерный подход к развитию текстильной промышленности регионов в России // ТТПС. 2021. № 4 (58). С. 68–74. [*Mindlin Yu.B.* A Cluster Approach to the Development of the Textile Industry in Russian Regions // TTPS. 2021. No. 4 (58). Pp. 68–74. (In Russ.).] EDN: AZSYET.
6. *Попов Ю.А.* Анализ ключевых тенденций и перспектив развития отраслей отечественной легкой промышленности // Экономические исследования и разработки. 2023. С. 232–238. [*Popov* Yu.*A.* Analysis of Key Trends and Prospects for the Development of Domestic Light Industry Sectors // Economic Research and Development. 2023. Pp. 232–238. (In Russ.).] EDN: SPZSFT.
7. *Федотова Г.Ю.* Роль инструментов таможенного регулирования в развитии рынка легкой промышленности ЕАЭС (на примере одежды) // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 12. С. 8639-8658. [*Fedotova G.Y.* The role of customs regulation tools in the development of the EAEU light industry market (on the example of clothing) // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2025. Vol. 15. No. 15 (12). Pp. 8639–8658. (In Russ.).] DOI: 10.18334/epp.15.12.124371. EDN: QPIUDC.
8. *Abdurakhmonov I.Y., Ergashev A.E., Otajonov S.I. et al*. National-scale evidence for rapid cotton yield gains under sustainable intensification in Uzbekistan // Sci. Rep. 2026. No. 16:21250. DOI: 10.1038/s41598-026-51320-5.
9. *Ataniyazova Z., Khurana K.* Insights and future forward for fashion and textile value chain in Uzbekistan // Research Journal of Textile and Apparel. 2020. Vol. 24. Iss. 4. Pp. 389–408. DOI: 10.1108/RJTA-03-2020-0020.
10. *Gupta N.* India's Textiles and Clothing Industry in Global Value Chains and its Linkages with other Asian Countries. Working Paper // Indian Institute of Technology Delhi. 2015. DOI: 10.13140/RG.2.2.24044.97925.
11. *Ikramova N., Burkhon kizi.* An Economic Model for Improving the Competitiveness of the Textile Industry in the Republic of Uzbekistan // Central Asian Journal of Innovations on Tourism Management and Finance. 2025. No. 6 (4). Pp. 1509–1516. DOI: 10.51699/cajitmf.v6i4.1022.
12. *Kabir M., Singh S., Ferrantino M.J.* The Textile-Clothing Value Chain in India and Bangladesh: How Appropriate Policies Can Promote (or Inhibit) Trade and Investment // World Bank Policy Research Working Paper. 2019. No. 8731. DOI: 10.1596/1813-9450-8731.

Дата поступления рукописи: *20.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Исмагилова Ольга Дмитриевна – научный сотрудник Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3092-770X
oibrishim@gmail.com

Могучев Никита Сергеевич – ведущий аналитик Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2727-6192
nikmoguchev@gmail.com

Пономарева Ольга Владимировна – научный сотрудник Центра экономических исследований Фонда экономической политики, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9031-086X
olia.v.ponomareva@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Olga D. Ismagilova – Researcher, Institute of International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3092-770X
oibrishim@gmail.com

Nikita S. Moguchev – Leading Analyst, Institute for the Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2727-6192
nikmoguchev@gmail.com

Olga V. Ponomareva – Researcher, Center for Economic Research of the Fund of Economic Policy, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9031-086X
olia.v.ponomareva@gmail.com

DIVERSIFICATION OF VALUE CHAINS IN THE RUSSIAN GARMENT INDUSTRY: POTENTIAL OF COOPERATION WITH UZBEKISTAN AND INDIA

The article explores the possibilities of diversifying value chains in the Russian textile, clothing and footwear industry in conditions of high dependence on imports and the need to adapt to new external economic conditions. Based on the analysis of data from the OECD TiVA, ITC Trade Map and Export Potential Map, the risks of import concentration and prospects for expanding cooperation with Uzbekistan and India are assessed. The most promising areas of industrial and investment cooperation have been identified, contributing to increasing the sustainability of the industry and the growth of internal added value. The development of cooperation with these countries can reduce the risks of import dependence and create the prerequisites for expanding exports of Russian products with higher added value.

Keywords: *garment industry, textile industry, trade and industrial cooperation, value chains.*
JEL: F42, F15, F21.